

КНИГИ ЭНН МАЙКЛЗ,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

ЗИМНИЙ СКЛЕП
КОГДА НАС ДЕРЖАТ

Дан Майклз
ЗИМНИЙ
СКЛЕП

Перевод
Анны Хромовой

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
М 14

Anne Michaels
THE WINTER VAULT
Copyright © 2009 by Anne Michaels
All rights reserved

Перевод с английского Анны Хромовой
Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-28217-9

© А. С. Хромова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Наверно, на собственной коже мы рисовали охрой и углем намного раньше, чем принялись рисовать на камне. Во всяком случае, сорок тысяч лет назад мы уже оставляли отпечатки ладоней на стенах пещер в Ласко, в Арденнах, в Шове.

Черный пигмент, который использовался для рисования животных в Ласко, изготовлялся из диоксида марганца и стертого в пыль кварца; и почти половину этой смеси составляла фосфорнокислая известь. Фосфорнокислая известь добывается нагреванием костей до четырехсот градусов по Цельсию, а затем растиранием их в порошок.

Мы делали свои краски из костей животных, которых рисовали.

Любой рисунок этого не забывает.

Будущее отбрасывает тень на прошлое. В этом смысле первые движения содержат в себе всё — нечто вроде карты. Первые дни военной оккупации; зачатие ребенка; семена и почва.

Горе есть желание в чистейшем, дистиллированном виде. С первой могилой — в первый раз, как чье-то имя было посеяно в почву, — изобрели память.

Любое слово этого не забывает.

I

РЕЧНОЕ
РУСЛО

Генераторы заливали храм светом. Сцена чудовищного разорения. Тела лежали на виду, конечности торчали под кошмарными углами. Все цари были обезглавлены, каждая величественная шея рассечена пилами с алмазным напылением, и горделивые торсы расчленены при помощи цепных пил, цепочек просверленных отверстий и проволоки. Широкие каменные лбы были укреплены стальными полосами и цементированы эпоксидной смолой. Эйвери наблюдал, как люди исчезают в складке царского уха, теряют туфлю в фараоновой ноздре, засыпают в тени оттопыренной губы.

Рабочие трудились по восемь часов, три смены в сутки. Вечерами Эйвери сидел на палубе жилой баржи и заново пересчитывал растущее напряжение в оставшемся камне, оценивал разумность каждого распила, слабые места и новые напряжения по мере того, как храм исчезал, тонна за тонной.

Даже из своей постели на реке он видел отрубленные головы, безруких и безногих царедворцев, все сложенное и тщательно пронумерованное под светом прожекторов, в ожидании транспортировки. Тысяча сорок два песчаниковых блока, наименьший из них

весом в двадцать тонн. Чудный каменный потолок, где птицы кружили среди звезд, лежал разобранном, под открытым небом, под настоящими звездами, под настоящей чернотой за пределами света прожекторов, такой густой, что казалось, она вот-вот разойдется, словно мокрая бумага. Для начала рабочие набросились на прилегающую скалу, сотни тысяч кубометров были тщательно размечены, надписаны и убраны пневматикой. А впереди — искусственные горы.

Чтобы избавиться от грохота техники, Эйвери приваливался головой к корпусу баржи и слушал реку, что струилась мимо их постели. Он представлял себе подхваченное темным ветром размеренное дыхание стеклодувов в городе за пятьсот километров к северу, возгласы водоносов и продавцов прохладительных напитков, пронзительные крики зимородков в бурнах древних пальм, и каждый звук растворялся в воздухе пустыни, никогда не стираясь полностью.

Нилу уже перехватили глотку в Садд-эль-Аали, его величественное течение и прежде отводили в сторону, чтобы увеличить производство хлопка в дельте, на потребу немисливо далеким ланкаширским фабрикам.

Эйвери знал, что река, перекрытая плотиной, — уже не та, что прежде. И берега не те, и вода не та.

И пусть лучи восхода будут падать на великий храм все под тем же углом и все то же солнце станет заглядывать в святилище на рассвете, Эйвери понимал, что как только последний из камней храма будет выпилен и перенесен на шестьдесят метров выше, и каждый блок встанет на свое место, и каждый

шов будет затерт песком, чтобы между блоками не осталось ни единого крошечного промежутка, который мог бы выдать, где они были рассечены, и каждое царственное лицо будет опущено на свое место, — само совершенство иллюзии, именно само совершенство и станет предательством.

Если человеку удастся внушить, будто бы он стоит на прежнем месте, к этому времени затопленным водами плотины, стало быть, все в этом храме обернется обманкой.

И когда наконец — спустя четыре с половиной года непосильного труда, после болезни, вызванной то ли непереносимой жарой и холодом, то ли непрерывным страхом ошибиться в расчетах, — когда он предстал наконец перед министрами культуры, и пятьюдесятью послами, и своими коллегами-инженерами, и тысяча семьястами рабочими, замороженно взирающими на собственное свершение, он боялся сорваться — не от восторга, не от изнеможения, а от стыда.

Только жена понимала его: понимала, что святость каким-то образом развеялась под их бурами, была выкачана вместе с грунтовыми водами и вскоре будет раздавлена громадными бетонными куполами. Что к тому времени, как Абу-Симбел наконец будет возведен заново, он перестанет быть храмом.

Река катилась, медлительная и живая, катилась через пески, голубая жилка на бледном предплечье, ползущая от запястья к локтю. Рабочий стол Эйвери стоял на палубе; когда ему случалось заработать допоздна, Джин просыпалась и приходила к нему. Он

вставал, и она не разжимала рук, повисая на собственных объятиях.

— Посчитай меня! — говорила она.

Сумеречный свет сеялся мелким порошком, золотой пылью, оседающей на поверхность Нила. Эйвери доставал из деревянного ящичка краски, увесистые лепешечки акварели, и его жена укладывалась на все еще горячую палубу. Он церемонно расстегивал и спускал с плеч хлопчатобумажную блузку, каждый раз обращая внимание, как меняется цвет ее кожи: песчаник, терракота, охра... Промельк потаенных белых полосок под ляжками, бледные овалы, точно сырость под камнями, нетронутая солнцем. Потаенная бледность, которой он коснется позже, в темноте. Потом Джин закатывала рукава и поворачивалась на бок, к нему спиной, в бархатном свете. В свете темноты, скорее вечером, чем днем.

Эйвери нагибался за борт, зачерпывал чашкой воды из реки, ставил рядом с собой водяной кружок. Выбирал краску и ждал, пока она вберется в мягкий волос кисточки, пропитанный речной водой. И бережно выпускал ее во всей полноте на сильную спину Джин. Иногда он рисовал ту сцену, что раскинулась перед ними: речные берега, разрушительную работу, которая не останавливалась ни на миг, растущую грудь каменной физиогномики. Иногда рисовал по памяти Чилтернские холмы, пока слабеющая жара не начинала пахнуть маминым лавандовым мылом. Он рисовал начиная с детства, пока снова не становился взрослым. И тогда, уже почти закончив, он снова опускал чашку в реку и, набрав чистой воды, проводил мокрой кисточкой по полям, по де-

ревьям, пока пейзаж не размывался, растекаясь по ее коже. Часть краски забивалась в поры и оставалась там, пока Джин не искупается, и египетская река принимала последние остатки Бэкингемшира в свои стирающие объятия. Разумеется, Джин никогда не видела его пейзажей и, слепая, вольна была воображать любые картины, какие ее душе угодно. Он привык думать о томности жены в этот сумеречный час — каждый вечер в течение тех месяцев 1964 года — как о своего рода свадебном подарке; и она, в свою очередь, чувствовала себя открытой под его кистью, как если бы он прослеживал некое течение у нее под кожей. В этот сумеречный час оба они дарили друг другу потаенный пейзаж. В обоих раскрывалась новая укромность. Каждый вечер в тот первый год их брака Эйвери размышлял о Бэкингемшире, о запахе матери, о пропасти времени, отделяющей тот сырой буковый лес от этой пустыни, о точках напряжения, трещинах и упругости, о карте давлений будущих бетонных куполов и о тяжелой смертной красоте своей жены, чье тело он лишь начинал познавать. Он думал о фараоне Рамзесе, чье тело выше колен недавно исчезло и теперь лежало разбросанным на песке, сложенным отдельно от конечностей его супруги и дочерей. Должно было пройти еще несколько месяцев, прежде чем они воссоединятся — семья, что не разлучалась три тысячи двести с лишним лет.

Он думал, что лишь любовь учит человека его смерти, что в одиночестве любви мы учимся тонуть.

Когда Эйвери лежал рядом с женой, ожидая прихода сна, слушая реку, казалось, будто весь большой Нил стал им постелью. Каждую ночь он плыл сюда

из Александрии, сквозь дельту с ее финиковыми пальмами, мимо одиноких лодочек-дахабие с поникшими парусами, вытащенных на песчаные берега. Каждую ночь на сон грядущий, чтобы избавиться от дневных уравнений и графиков, он мысленно совершал это путешествие. Иногда, если Джин не спала, он проговаривал это путешествие вслух, пока не почувствует, как она уплывает в то полусонное состояние, когда человек думает, будто еще не спит, но уже ничего не слышит. Однако же Эйвери по-прежнему нашептывал ей, расцвечивая путешествие сотнями подробностей, в благодарность за тяжесть бедра, лежащего поперек его ноги. И чувствовал, что река слышит каждое слово, вплетает в себя каждый вздох, пока не наполнится сном, вобравшая последние вздохи царей и тяжелое дыхание тружеников от трехтысячелетней давности и по сей день. Он говорил с рекой, он слушал реку, рука его лежала на жене в том месте, где их ребенку предстояло в один прекрасный день разверзнуть ее, там, где его губы уже так часто говорили с нею, как будто бы он мог вобрать в себя имя ребенка ртом из ее тела. Ребекка, Клеопатра, Сара и все женщины пустыни, что знали цену воде.

Пока он разрисовывал ей спину, Джин вспоминала тот первый раз — тогда, в кинотеатре в Моррисберге, — когда они сидели рядом в темноте. Эйвери не прикасался к ней нигде, кроме запястья, в том месте, куда сходятся мелкие венки. Она чувствовала, как давление расплзается вдоль руки, хотя его пальцы по-прежнему касались лишь одного дюйма кожи, и тогда она решила. Потом, в ярко освещен-

ном фойе, она была выставлена на всеобщее обозрение в незримом раздразе: он исподтишка запустил ей под одежду тлеющий фитиль. Тогда она впервые узнала, как это бывает, когда кто-то пронизал тебя до костей за один вечер, и что любовь не копится мало-помалу, как капля на кончике ветки, что любовь — это вообще не тот момент, когда ты приносишь всю свою жизнь кому-то другому, — нет, скорее это когда оставляешь позади все, что было. До этого момента.

В тот самый вечер, в этот вечер, когда он коснулся в темноте всего одного дюйма ее тела, — как просто Эйвери смирился с этим фактом: что они очутились на пороге счастья длиною в жизнь и тем самым неизбежной грусти. Так, будто когда-то, давным-давно, внутри у него что-то обломилось, и вот теперь наконец он обнаружил этот опасный осколок, что блуждал у него в организме, время от времени причиняя боль. Как будто теперь он мог сказать об этой боли: «А, так это была ты».

Эйвери часто терялся в дебрях математики, которой храм определяет свое пространство, пытаясь поверить ею не более не менее как святость. Выстроить план, где небеса сходятся с землей. Джин возражала, что эта встреча, скорее всего, происходит под открытым небом и истинный план, где божественная вертикаль вонзается в этот мир, — не что иное, как человек прямоходящий. Но для Эйвери человеческое тело и формирование пространства — человеческое исчисление пространства, способного принимать духов, — были совершенно разные вещи.

— Но ведь мы и свое внутреннее пространство формируем тоже! — возражала Джин. — Мы только и делаем, что ломаем голову и раскидываем мозгами. И если мы во что-то верим, думаю, это потому, что мы сами так решили.

— Да, конечно, — отвечал Эйвери, — но ведь тело — это данность. Мы появляемся на свет... готовыми к употреблению. Храм был первой в мире силовой установкой. Подумать только, сколько формул пришлось изобрести, сколько трудов пришлось приложить тысячам людей, чтобы сдвинуть с места

гору, чтобы иссекать и передвигать камень, тонна за тонной, зачастую на сотни километров, на место с конкретными координатами — и все это в попытке уловить духов.

«Чтобы придать определенность пространству...» — продолжил было Эйвери — и запнулся. Нет. Не затем, чтобы придать форму пространству, а затем, чтобы придать форму... пустоте.

Тут Джин растрогалась и взяла мужа за руку. С палубы дома-баржи они наблюдали, как рабочие исчезают в недавно сваренной стальной трубе, идущей от ног Рамзеса во внутренние помещения большого храма. Труба проложила себе путь сквозь пять тысяч самосвалов песку, привезенного из пустыни затем, чтобы защитить фасады и подпереть сбоку склон. Сто лет тому назад первооткрывателю Абу-Симбела, Джованни Бельцони, потребовалось много дней, чтобы дорыться до храма сквозь наросшие кругом барханы; и вот теперь Эйвери и его люди погребли храм заново.

— Ты как будто человек, увиденный вдалеке, — сказала Джин, — кажется, будто он остановился, чтобы завязать шнурки, а он преклонил колени, чтобы помолиться.

— Но прежде чем нам придет в голову преклонить колени, нужно, чтобы шнурок развязался, — сказал Эйвери.

В стране Бурунди, к северу от Бужумбуры, бьет из земли небольшой ручеек: Касумо. Ручеек этот сливается с прочими — Мукасеньи, Лувиронза, Рувуву, — образуя Кагеру, которая, в свою очередь, впадает в озеро Виктория. Этот верхний приток Кагеры — один исток Нила. Второй же его исток — река Руинди, которая несет ледниковые воды с великого хребта Рувензори — Лунных гор. Из джунглей внизу снежные пики казались солью, застывшим лунным светом, туманом. Никто и не думал о снеге в экваториальных джунглях, таких густых и пышных, что они источают чары гигантизма.

Почву там рыхлят земляные черви длиной в метр, белый вереск колышется в десяти метрах над головой. Цветы более трех метров высотой улаживают солнце, и аромат их сливается с благоуханием гвоздики из-за моря, с Занзибара. Трава вымахивает в человеческий рост, слой мха вырастает толщиной в древесный ствол. Бамбук взмывает в небеса точно в ускоренном воспроизведении: по пятьдесят сантиметров в сутки.

Там водится горная горилла — животное, которое способно одной рукой оторвать голову челове-

ку, но при этом боится воды и ни за что не перейдет реку.

Экваториальные снега — этот замерзший лунный свет, эта соль, этот туман — тают и мчатся прочь, повинувшись земному тяготению, через шесть тысяч четырехста с лишним километров джунглей, болот и пустынь; они заставляют Нил разливаться и окрашивают его выжженные берега ярко-зеленым. Снега, что текут сквозь ландшафт, настолько раскаленный, что он вытягивает наружу человеческие сны, и они мерцают в воздухе миражами; такой раскаленный, что не дает человеку даже секундной передышки от его собственной тени или пота; такой раскаленный, что песку мерещится, будто он становится стеклом; такой раскаленный, что люди там умирают. Земли настолько засушливые, что за весь год осадков наберется едва-едва на четыре чайные ложки.

Пустыня оставляет всякого, кто ляжет. Едва только тело зароют в песок, ветер, словно память, принимается его откапывать. И потому бедуины и прочие племена пустыни своих женщин стараются хоронить поглубже, из целомудрия.

Быть может, это одна из причин громадности пустынных гробниц, чистого веса и объема камней, что приволокли и свалили грудой — очень тщательно и умело свалили, однако все равно это груда камней, — там, где погребали царей.

В пустыне мы пребываем недвижимыми, а земля движется под нами.

По ночам температура падала до нуля, и рабочие начинали свой день с того, что собирались вокруг костров. Но уже с утра любое, даже малейшее, усилие обходилось недешево. Никто не был потным, потому что любая влага испарялась мгновенно. Люди прятали голову в любую тень, какую только могли отыскать, прятались за деревянными ящиками, за грузовиками. С завистью смотрели на другой берег Нила, на тень купола и финиковых пальм, акаций, тамарисков и сикаморов. Их лица жаждали северного ветра.

Каждое утро со своей баржи Джин провожала взглядом Эйвери, исчезающего в толпе. Вокруг лица цвета сырой земли; и Эйвери, бледный как песок. Вскоре она поднимется на плато, где был разбит сад, орошаемый теми же трубами, из которых поступала вода в плавательный бассейн в лагере, и продолжит свои уроки о плодах пустыни, которые давала ей жена одного из каирских инженеров, весьма любезный источник информации, — она рассказывала обо всем: от рецептов до растительных лекарств и косметики. Жена инженера приходила в сад в элегантном белом платье-рубашке, в бе-

лых босоножках, и ее волосы были тщательно уложены на шпильках под белой соломенной шляпкой. Она распорядилась Джин, которая с удовольствием погружалась по локоть и по колено в работу.

Весь день камень храма вбирал в себя солнечный свет; любой просвет между каменных блоков дышал жаром, как глинобитная печь. А потом, каждый вечер, камень мало-помалу остывал. Гости приходили полюбоваться Абу-Симбелом на рассвете. Но Джин знала, что подлинное чудо храма раскрывается лишь в вечерних сумерках, когда на краткий час между светом и тьмою великие колоссы оживают, каменные губы и конечности остывают ровно до температуры человеческого тела.

Майклз Э.

М 14 Зимний склеп : роман / Энн Майклз ; пер. с англ. А. Хромовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-28217-9

Энн Майклз — выдающаяся канадская поэтесса и писатель, лауреат и финалист множества международных премий, «автор уникальной и неотразимой мощи» (*The Times*); ее книги становились мировыми бестселлерами и экранизировались, переведены на 45 языков. Ее третий роман, «Когда нас держат», — финалист Букеровской премии 2024 года и *Prix Femina Étranger*, а также лауреат премии Гиллер и *Prix Transfuge*.

Действие интеллектуального бестселлера «Зимний склеп», написанного «с грозно прекрасным накалом» (*Sunday Telegraph*), вошедшего в длинный список Международной Дублинской премии IMPAC и в короткие списки премий «Триллиум» и Гиллер, а также Премии писателей Содружества, начинается в 1964 году в Египте, где целая армия международных специалистов работает над разборкой и переносом древнего храма Абу-Симбел, которому грозит затопление водами нового водохранилища, образованного на Ниле при строительстве Высотной Асуанской плотины. Здесь «будущее отбрасывает тень на прошлое», здесь «сожаления — не конец истории; это ее середина», здесь «любовь — это... когда оставляешь позади все, что было». Здесь канадскому инженеру Эйвери и его молодой жене Джин «приходится ловить не последний шанс, а упущенный» в попытке снова найти путь друг к другу, потому что «нельзя провести черту между одним видом любви и другим», а «в наших воспоминаниях содержится больше, чем мы помним».

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)-44

ЭНН МАЙКЛЗ
ЗИМНИЙ СКЛЕП

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.02.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-37234-01-R